

О СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ

ТОЧКА СБОРКИ

Точка сборки не сместилась, а всего лишь сместились полюса. Компас больше не укажет вам севера, компас вообще стал неактуален. Компас предыдущего или предыдущий компас – понимание направления в плоскости. А сознание стало объёмным и с этим нужно жить. Произошло то, что и должно было произойти. Водопроводная вода стала чище речной, любовь – измеряется количеством и средствами предохранения от нежелательной беременности.

Нежелательной. Такова поэзия современности в отсутствие свободы по причине нерентабельности. Нет, само собой всегда найдутся те, кто сделает из этого бизнес, политику, религию. Так было всегда, но причём здесь поэзия? Отсутствие нового под солнцем – это ли ни правда жизни! Отсутствие Солнца. Кстати, всё ведь происходит в городах, в тех самых городах, к которым так стремилось человечество. Что же есть в средоточии мечты? Башни, одни башни, и чем выше, тем принципиальней, если хотите, законодательней. Москва, Нью-Йорк, Лондон, Токио – современные Вавилоны.

Законодатели. Заметьте, законодатели и не важно – чего. Смешение языков, ментальных полей – эклектика общемирового сознания, порождающая безликих, либо уродливых мутантов. Эсте-

тика уродств по причине потери чувства гармонии. Красота имеет смысл! Любые другие утверждения имеют статус умствований. Спасёт ли мир красота?

Может, мир спасёт любовь? Спасёт ли? Да и вообще, что за постоянное желание спасения? До тошноты точно – от себя не убежишь. Вечное стремление куда-то, вовне. Поиски жизни во Вселенной – что это? Может, хочется найти тех, кто лучше нас, кто лучше устроился в креслах. Найти, отнять и искать дальше? Типичная психология вируса. Вируса, наделённого такой неуместной совестью, а совесть кричит об освобождении. Освобождение мира от себя. Вот они, вечные ожидания конца света – это всего лишь крики совести. Совесть, которая кричит – хватит разбирать мир на запчасти, а потом ужасаться тому, что натворили и ставить решётки на окна! Сами обгадили весь мир, а теперь никто не причём. Я – причём! Слышите меня, поэты! Я освобождаюсь от этого бреда, и красивые камни становятся частью мира, моего мира. Впрочем, так же как всё остальное.

Освобождение. Поэзия освобождает. Поэзия, как выламывание чёрных камней из души. Время не бросать камни, но собирать, чтобы потом бросить и создать иллюзию освобождения.

Камни. Камни в виде скал и

песка на пляже, камни в виде первобытных пещер и суперсовременных железобетонных небоскребов. Камни были, есть и будут, они вечны. Как Бог. Каменное язычество, лишь попытка передать знаки Бога, Его монументальность. Минеральная божественность.

Гений, как алмаз в руде человечества. Цинично, но честно. Люди почему-то боятся быть честными. Минеральная божественность проникает везде, она всепроникающая. Оставим в покое гениев, вернёмся к камням.

Бог переселён из каменных истуканов в уши и на шеи красоток, причём давно, причём почти с самого начала, ведь бриллианты каменны. Мужчины тоже любят Бога, мужчины любят носить Его знаки на своих пальцах, мужчины любят это делать, мужчины любят. Это ли не поэзия. Божественная, минеральная, монументальная поэзия современности. Соединение Красоты, Любви и Бога.

Воистину, лучшие друзья – это, конечно же, бриллианты!

МАНИФЕСТ О ПОЛНОЙ НЕСВОБОДЕ

ЧАСТЬ I

ЗАПИСКИ ДЕКЛАРАТИВНО–СПЕКУЛЯТИВНОГО ХАРАКТЕРА

Литературная карта края активно меняется. Особенно это заметно на примере поэзии. Впрочем, так было всегда – читать стихи прямо сейчас, от начала до конца, это вам не читать прямо сейчас повесть, роман или хотя бы рассказ. Поэты всегда форматируются скорее прозаиков. Потому – о поэтах, точнее, о поэзии, о том, что в ней меняется?

Великий информационный потоп, вымывающий из сознания читателей индивидуальные черты, заставляет искать новые пути, всматриваться в себя в контексте настоящего времени. За стихами неизбежно стоит поэт, как тот, кто говорит не просто так, кто отвечает за свои слова, даже в своё кажущееся отсутствие. Но в том-то и дело, что в стихах отсутствия не существует. Вообще, поэзии присуща та позорная нагота присутствия, которая и делает её поэзией с живым, стоящим за ней поэтом.

Поэт всегда как что-то постыдное, на что смотреть не принято, больно и соблазнительно одновременно. Как если бы смотреть на человека, бредящего на кровати туберкулёзного отделения, худого, задыхающегося. В подгузниках, которые ему надевают, потому, как он уже не может и не понимает, что в сортир нужно подняться. Потому что ему это уже не стыдно – не поднимаясь лежать в подгузниках. Да и не поднимется он уже никогда. Вот здесь, при ТАКОМ настоящем и возникает то, во что верится. Верится, потому что ЭТО настоящее можно опровергнуть только другим таким же. Вот здесь, при таком настоящем и появляется поэт. Предметы уже теряют самооценку и становятся знаками, символами, метафорой, декорацией.

Отсюда и окружающий мир, в стихах современных поэтов, как никогда театрален, заполнен бута-

форскими предметами. Оттого этот мир часто бредОв. Ценным бывает только одно – сознание, голос, который перечисляет предметы, обставляя декорациями сцену для маленьких (и немаленьких) личных трагедий. Как никогда, в стихах масса частных, личных, интимных подробностей. И это не желание остановить мгновение, это желание сохранить хоть что-то от проходящего мгновения, острое осознание, что мгновение НЕ ПОВТОРИТСЯ НИКОГДА.

Такое осознание может быть у того самого человека, что задыхается на больничной койке. Ведь жизнеспособные стихи не обязательно жизнеутверждающие, но всегда обосновывающие жизнь, именно жизнь. Всё дело в том, что обосновывать смерть нет необходимости, а если и делать это, то лишь по причине поиска смысла-бессмысленности жизни. Вот она – жизнь – есть и что с этим делать? Что есть такого, о чём действительно стоит сказать?

Один мой знакомый поэт как-то сказал (а мы тогда сидели у него на кухне, курили и говорили о популярности Интернета, «Одноклассников», «в Контакте» и т.п.): «Поэзия, это иллюзия, но такая, что замещает реальность». Я тогда подумал, насколько настоящей должна быть иллюзия, чтобы в неё верилось, и кто за неё должен отвечать, за её появление? Как пишет поэт – легко ни за что не отвечать, ни за свои стихи, ни за поэзию, тогда любой собственный лепет кажется интересным. Действительно, отвечать за что-то страшно, тяжело и неудобно, а ведь и за понимание тоже нужно отвечать. Какие-нибудь мальчик

или девочка, что читают свои стихи – они приходят и читают, а им говорят – поэзия умерла сегодня. Говорят, потому что отвечать за этих ребят тоже страшно, тяжело и неудобно, а за себя отвечать не хочется ещё больше.

Знаете, все разговоры о смерти поэзии (сегодня, завтра, когда угодно) – ложь и страх ответственности. Поэзия умереть не может, потому что говорит на общем языке всех влюблённых. Можно тысячу раз понимать, что это язык поэзии, но чувство его жизни напрямую связано с чувством жизни в себе. Это неизбежно и необходимо, если речь не идёт о стихах, что пишутся к свадьбам и юбилеям. И если я говорю о литературной карте, то имею в виду вполне живое и жизнеобосновывающее, всё то, что пишется сегодня в контексте настоящего и времени, и жизни.

А в настоящем есть они – поэты, у которых нет ничего, кроме слова и голоса. Как всегда. И при всей кажущейся свободе, они несвободны как никогда раньше.

Само представление о свободе, традиционный дух русского анархизма, несвободно от себя. И поэзия – бессмертна, потому как в ней заключены взаимоисключающие противоположности. Потому и ищут поэты сегодня ту несвободу, что смогут противопоставить всеобщей свободе, понятой, как вседозволенность. Потому и заключают себя в рамки несвободы – в рамки глубоко погружённого в себя сознания.

Собственно, взгляд погружён в себя постольку, поскольку происходит идентификация. Есть некая потребность вспоминания, что-то

вроде инстинкта, способа организма спасти вид человека разумного в контексте сегодня. Что-то вроде перенесения инстинктов организма на спасение души. Мир меняется с изменением количества получаемой информации, виды приспособляются. Остаются только самые важные, ранее приобретённые способности.

И ещё раз о том человеке на больничной койке, точнее, о том, что он видит в своём предсмертном бреде. А видит он – то важное, что было в его жизни. И, ведь правда, если он вспоминает о невымытой тарелке, значит, для него она оказалась той метафорой, что вытягивает за собой целый жизненный пласт, а то и всю жизнь.

Стихи – всегда рассказ, где невымытая тарелка может вытянуть целый кусок жизни. Но стихи всегда рассказ о «произошедшем», впрочем, как и любой другой рассказ, бред, галлюцинация, но рассказчик всегда здесь и сейчас. Более того, здесь и сейчас рассказчик уже совершенно не тот, кем был, когда проживал, писал и т.д. свою историю. Другими словами всё сводится к тому, что стихи – всегда рассказ о себе другом, от

имени другого себя, ненастоящего (в смысле времени). Иллюзия, замещающая реальность. А иллюзий сейчас хватает везде, кроме поэзии – друзья в «Одноклассниках», «в Контакте» – иллюзия, доведённая до уровня настоящего (в смысле живого, не иллюзорного).

В поэзии же иллюзий – настоящих, тех, в которые верится – пока очень мало. Чувство полной свободы сыграло с поэтами злую шутку – они оказались на открытом пространстве, и беззащитность стала очевидной, а, следовательно, только ленивый не бросил камень в поэзию.

Поэты нашли выход. Полная несвобода – то поле поэзии, что активно сегодня засеивается. Правда, пока в основном сорняками. Но, погружаясь в себя, создавая миф, обставляя миф, как новую квартиру – развешивая на стенах этого нового дома фотографии друзей и любимых, рассаживая на балконах свои, небольшие пока, садики, поэты выживают.

Полная несвобода, как жизнь внутри иллюзии, что, в конечном счёте и даёт сегодняшнюю поэзию.

ЧАСТЬ 2 О КОНСЕРВАТИЗМЕ

Как-то, будучи в Доме литераторов, я говорил с одним человеком, который в разговоре употребил такую, очень парадоксальную, на мой взгляд, фразу – наш литературный журнал консервативен. Важен тут не сам разговор, а вдруг возникшая тема – тема консерватизма.

Послушайте, консерватизма в

литературе не существует, и это правда. И уж тем более, не существует консервативной поэзии. Если вам человек говорит – консервативный литературный журнал, то речь идёт только о журнале, но не литературе. А если бы искусство, которое создаётся сегодня, могло быть консервативным, то оно бы стояло в тупике.

Можно с пеной у рта доказывать, что стихи современных молодых поэтов непонятны и нехороши и это будет о многом говорить, но всегда о человеке, не о стихах. Настоящие стихи всегда чуть преждевременны. Оттого их часто и ругают, потому что поэт-то живёт здесь и сейчас. Ругают от высокомерия своего, желания доминировать (инстинктивного), от скуки, упрямства или нежелания ответственности. Частое внутреннее оправдание – что этот ребёнок может знать об искусстве, чего не знаю я.

Не нужно этого бояться. Нужно понимать, что за свои стихи поэт несёт ответственность сразу.

Что самое интересное, оказывается, поэзия вообще ни в каком и ни в чём обосновании не нуждается кроме ответственности за неё. Как смерть или любовь. Как твоя собственная жизнь.

Полная несвобода от собственной жизни, как факт. А как быть с полной несвободой от собственной поэзии? Поэт всегда живёт двойной жизнью и вопрос только в том, насколько та, вторая, иллюзорная жизнь проживается им по-настоящему. Вот, об этой, второй жизни только и стоит говорить, остальное – стихи к юбилеям и свадьбам.

Вспомнил сейчас Алису в Зазеркалье, точнее, историю с розами, которые перекрашива-

ли для Королевы. И ещё чьи-то армейские (тюремные) истории о подкрашивании травы в зелёный цвет осенью, к приезду начальства. Консерватизм всегда занят подкрашиванием, бальзамированием, чем угодно, но к поэзии это не имеет никакого отношения, равно, как к поэтам. Консерватизм уместен в истории (как науке), и не стоит обманываться словом «литературный», так же, как не стоит подкрашивать траву в стихах. Потому как в конце это превратится в вашу собственную жизнь, за которой жизни не будет, а только увядшая трава и поблекшие розы другого цвета.

Однако, я никого не намерен здесь учить жизни или стихам, всё сказанное сводится к вопросу выбора и личного поэтического опыта. Всегда можно подкрасить траву или розы, и когда придёт начальник, он будет доволен. Всегда можно не красить, и придёт живой человек вдыхать запах настоящего цветка. Важно понять, кому ты пишешь, начальнику или человеку. А личный поэтический опыт... Каждый поэт абсолютно свободен в выборе содержания своего сада, свободен в границах своего мифического, иллюзорного, замещающего реальность сада. Потому что поэзия – всегда миф, но такой силы, которую можно противопоставить силе реальности.

ЧАСТЬ 3 ГИМН И ОБВИНЕНИЕ ПОЭЗИИ

Разнообразие внешних форм товаров, пестрота их, но однообразие содержания – лучше всего характеризует здесь и сейчас, то

есть – сегодня, то есть – современную реальность.

В конце концов, всё разнообразие услуг, товаров, политиче-

ских партий имеет своей основной целью скрыть в пестроте форм всегда однообразное содержание, точнее, однообразие основной идеи или побуждения – извлечение выгоды/прибыли любого характера, не только материальной.

В этом смысле, поэзия всегда есть метод борьбы изнутри, как то, что традиционно не продаётся.

Действительно, художнику, либо скульптору недостаточно озвучить идею – идею необходимо материализовать в объекте искусства, а объект материализованный – вполне продаваем. Разумеется, данные рассуждения имеют статус общих и, скорее, ближе к роду софизмов, однако...

Художник и скульптор являются не только генераторами идей объекта искусства, но и теми, кто превращает идею в объект материальный, то есть художники и скульптор – сами производители.

Музыкант вполне претендует на роль агента борьбы, но отсутствие текста делает музыку орудием борьбы стихийным, несемантическим (в определённой степени), что, в свою очередь, усложняет расшифровку послания, делая это послание всеобщим и, одновременно, размытым. Музыка универсальна и обращена к человечеству, но не к конкретному человеку.

В чём же тогда преимущество поэзии? Во-первых, поэзия сама по себе является звуком, что даёт ей возможность отнять у музыки главное преимущество перед другими видами искусства – звучание. Решающим оказывается «во-вторых» – во-вторых, поэзия, как в своё время заметил Иосиф Бродский, искусство безнадежно семантическое. Причём, кажуще-

ся ограничение среды влияния текста на носителей языка, того, на котором говорит поэт, становится отдельным преимуществом. Музыка, как голый звук, звучит одинаково для носителей любого языка, поэзия же нуждается в переводе, а при переводе часто приобретает новые смысловые аллюзии, которые зависят от особенностей культуры народа, на чей язык осуществляется перевод.

Теперь вернёмся к тезису о том, что поэзия всегда есть метод борьбы с однообразным содержанием, другими словами, с тавтологией. Если извлечение прибыли/выгоды от вовлечения человека в разного рода процессы, и создание (как производная) массовой культуры – это традиция тавтологии, то традиция поэзии – борьба с тавтологией внутри каждого отдельного человека. Роль каждого отдельного поэта не только различна, но индивидуальна, как бывают, индивидуальные различные формы стихов. Различие ролей поэтов – это разнообразие, грубо говоря, отделов внутреннего мира и разнообразие чувств человека, его переживаний и страстей. Более того, поэт не производит книги – для того, чтобы донести идею поэту достаточно голоса, данного ему самой природой, а все специальные приспособления – суть множители, либо объекты будущего копирования. В чистом виде, продукт деятельности поэта – умозрительные, даже, чувствозрительные идеи, которые влияют на человека даже ещё не будучи заключёнными в объект продажи – в книгу.

Также стихотворение можно дословно воспроизвести наизусть, в отличие от той же музыкальной мелодии. Стоит заметить, что мак-

симально дословно воспроизвести мелодию наизусть легче и проще при наличии к ней стихотворного текста.

Теперь остаётся уточнить один из главных вопросов о поэзии – зачем, зачем она нужна человечеству в практическом смысле? Здесь самое время вспомнить о том, что продукт деятельности поэта – идея. Как известно, для генерации идей – новых, свежих, заманчивых – необходимо иметь нестандартный, нешаблонный взгляд на вещи и явления, в общем, необходимо быть в большей или меньшей степени личностью творческой, поскольку главный двигатель исторических прогрессов – это открытие. Знаменитое «эврика!» имеет статус озарения, озарение же синонимично откровению в частом симбиозе с интуицией. Разум лишь упорядочивает слова и мысли, что текут по новому руслу, пробитому этим самым «эврика!».

Все великие люди – и добрые, и злые гении – были людьми с нестандартным мышлением, то есть с явно выраженной частью внутреннего Я, которое движет всеми поэтами. В какой-то степени, все великие люди были поэтами (кстати, многие даже пописывали стихи).

Кто сказал, что поэзия прекрасна, тот сильно заблуждался, так как поэзия, прежде всего, разнообразна и не ограничена рамками стихосложения, а кроме полевых цветов вполне может рассказать и о цветах зла. Идеи, сгенерированные поэтической частью сознания, могут стать картиной, скульптурой, музыкой, рифмованным текстом, но так же могут стать и нестандартной агрессивной или мошеннической стратегией. Поэзия занимается созданием мифов и несёт в себе мошенничество изначально – написать можно не только прекрасный миф, но и миф ужасный. Качество и эффект любого поэтического мифа – то есть любого мифа вообще – зависит от веры и мотивации пишущего.

То, что будет сказано сейчас в заключение – есть затасканный штамп, но вышеизложенное позволяет взглянуть на этот штамп под другим углом зрения. В конце концов, никто не отменял возможности обретения дополнительных смыслов в избитых утверждениях.

Итак, господа поэты разного рода, пожелаю вам одного, чтобы вашей главной мотивацией была, пускай мучительная и невозможная, но всё же человеческая любовь.